Давыдов Тихон Георгиевич
МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет
кафедра классической филологии
e-mail: tychondavydov@gmail.com

ПЕРЕВОДЫ Ф. Е. КОРША НА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК: ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

***Аннотация**: Переводы новых текстов на древнегреческий язык – явление гораздо более редкое, чем переводы на латинский. В настоящей статье анализируются языковые, текстологические и смысловые аспекты переводов на древнегреческий трёх стихотворений Пушкина, осуществлённых великим русским филологом и поэтом Ф. Е. Коршем. Раскрываются его переводческие стратегии – как через прямое свидетельство самого переводчика, так и на материале рассматриваемых стихотворений.*

***Ключевые слова**: Фёдор Евгеньевич Корш; Александр Сергеевич Пушкин; новодревнегреческая литература; переводы на древнегреческий язык; современный древнегреческий язык; возрождение языков; рецепция античности.*

Ты памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный
И невещественный какъ камень иль металлъ;
Нѣтъ, то перо твое, твой трудъ святой, упорный,
Чѣмъ и по смерти ты, как духъ живой, предсталъ.

Съ оливы вѣтвію, тобою орошенной,
Сплетенъ, о Степаносъ, и лавръ главы твоей;
Давъ мощный намъ языкъ, тобою возрожденный,
Ты насъ имъ озарилъ во мракѣ, Прометей!

Ты въ мірѣ этомъ зналъ одинъ лишь трудъ суровый
Но міръ усталому покоя не дарилъ,
Трудящемуся здѣсь удѣлъ вѣнецъ терновый, –
О, пусть-же будетъ такъ твой сонъ среди могилъ![8]

Фёдор Евгеньевич Корш (1843, Москва – 1915, там же) – один из самых многогранных, разносторонних русских филологов. Его по праву можно включить в число наиболее талантливых и плодовитых латино- и древнегрекоязычных авторов XIX–XX столетий. За свою достаточно долгую жизнь Корш успел внести вклад в различные сферы филологии (и не только филологии). Один лишь анализ – да и простое перечисление его трудов – заняли бы несколько статей, поэтому в качестве иллюстрации широты его кругозора хочется перечислить названия докладов, прочитанных в день годовщины его смерти 16 февраля 1916 года на торжественном публичном заседании Московского историко-филологического факультета: «Ф. Е. Корш и мировая культура» А. Н. Веселовского, «О работах Ф. Е. Корша по русскому языку и словесности» А. А. Шахматова, «О работах Ф. Е. Корша по древней русской литературе»

[8] Данное стихотворение Ф. Е. Корша публикуется впервые [Korsch 1867–1890-е, 37]. Здесь и далее стихотворные тексты на русском языке приводятся в традиционной (дореформенной) орфографии; она сохранена также в выходных данных тех источников, к которым это применимо (см. список литературы).

М. Н. Сперанского, «Ф. Е. Корш как славист» В. Н. Щепкина, «Ф. Е. Корш как теоретик и практик русского стиха» Р. Ф. Брандта, «Ф. Е. Корш как лингвист» В. К. Поржезинского, «Ф. Е. Корш как классический филолог и метрик» А. А. Грушки и «Ф. Е. Корш как ориенталист» В. А. Гордлевского [Грушка 1916, 79].

Значительная часть сочинений Корша – как научных, так и поэтических – связаны с Александром Сергеевичем Пушкиным. Безусловно, его творчество интересовало Корша давно, но впервые в списке его трудов фамилия поэта появляется в 1882 году, когда в альбоме Пушкинской выставки публикуются переводы на латинский язык стихотворений «Поэт», «Поэту», «Поэт и чернь» [Коршъ 1882]. Через четыре года в Копенгагене издаётся знаменитый сборник, озаглавленный «Στέφανος» («Венок»), в который Корш поместил сто четыре своих стихотворения [Korsch MDCCCLXXXVI]. Сборник отражает широту научных интересов автора: в сборник были включены переводы на латинский и древнегреческий язык с русского, немецкого, санскрита, персидского, арабского, словенского, армянского, а также оригинальные стихотворения (на латинском и древнегреческом языках). В числе переводов есть переводы стихотворений Пушкина: четыре – на латинский язык и три – на древнегреческий. В 1895 году в журнале «Филологическое обозрение» публикуется перевод на латинский язык стихотворения «Мечтателю» [Korsch 1895, Прил., 2−3]. Наконец, на рубеже веков появляются научные произведения, посвящённые Пушкину: в 1898 году издана известная работа «Разбор вопроса о подлинности окончания „Русалки“ по записи Д. П. Зуева» [Коршъ 1898], про которую ученик Фёдора Евгеньевича Аполлон Аполлонович Грушка в своём некрологе Коршу писал так: «Превосходный „Разбор вопроса о подлинности…“, независимо от объективной ценности конечного его результата, является, бесспорно, тем, что англичане называют *standard work*, в области исследования Пушкинской метрики, стиля, языка и поэтики, представляя собой и вообще крупнейший вклад в научную литературу о Пушкине, как это было признано, между прочим, другим талантливым знатоком и тонким ценителем нашего великого поэта – Владимиром Соловьёвым. Замечу кстати, что классический филолог при более внимательном чтении этого капитального сочинения без труда заметит, что оно вышло из рук учёного, прошедшего через горнило методов и приёмов старейшей филологической ветви – классической» [Грушка 1916, 52−23]. К этой же теме Корш обращается в работе 1905 года – «Опыты окончания „Русалки“» [Коршъ 1905]; в том же сборнике («Пушкин и его современники») публикуется «План исследования о стихосложении Пушкина и словаря пушкинских рифм» [Коршъ 1905], в 1908 году – работа под названием «Мелочи», в которой, в частности, впервые анализируется вопрос: «знал ли Пушкин по-итальянски?» [Коршъ 1908, 4−6].

Конечно, многие работы Корша остаются неопубликованными [Уланова 2017], из которых наиболее значительными стихотворными сборниками являются: «Scripta mea poetica» [Korsch 1858−1860], «Scripta poetica» [Korsch 1860], «Scripta poetica» [Korsch 1861−1865], «Carmina varia. I, II» [Korsch 1862; 1864], «Ποιητικά» (многоязычный сборник стихотворений и пе-

реводов, материалов к ним, набросков, филологических, лексических, метрических и нотных записей и т. д.) [Korsch 1867−1890-e].

Структура и композиция сборника «Στέφανος» отражена в его оглавлении [Korsch MDCCCLXXXVI, I−III]. Открывающее стихотворение озаглавлено «Rossicum. Alexandri Puschkin» и представляет собой перевод пушкинского «Поэта» (1827 года) на латинский язык. Таким образом, одновременно Корш подчёркивает важность переводов (по сравнению со своими собственными стихотворениями) и выделяет Пушкина как центральную фигуру новой поэзии. Следует сказать, что подобная традиция существует и в европейской (прежде всего в немецкой и английской) традиции переводов на латинский и древнегреческий языки: так, для немцев центральными фигурами являются Гёте и Шиллер, для англичан – Шекспир. Второе стихотворение в содержании фигурирует под заголовком «Th. Korschii», как и последнее (CIV). Оба этих стихотворения написаны на латинском языке и принадлежат автору сборника. Что касается древнегреческих стихотворений, то первый перевод на этот язык находится на четвёртом месте в сборнике и является переложением с санскрита («Ἰνδικόν. Ἐκ Καλιδάσου Çrṅgaratilakam»), как и последнее (CII).

Представляет особую ценность список оригинальных стихотворений и переводов, составленный Ф. Е. Коршем при подготовке сборника [Коршъ 1885]. При сопоставлении этого списка с перечисленными выше неопубликованными собраниями стихотворений бросается в глаза, что Корш крайне избирателен, особенно в отношении оригинальных стихотворений.

В настоящем исследовании хотелось бы остановиться подробнее на переводах на древнегреческий язык трёх стихотворений Пушкина, которые, как сказано выше, были опубликованы в сборнике стихов «Στέφανος». Это стихотворения «Если жизнь тебя обманет…» (1825 года), «На перевод Илиады» (1830 года) и «Туча» (1835 года), относящиеся к периоду зрелого творчества Пушкина, при этом отличающиеся друг от друга тематикой и жанровыми особенностями. В сборнике Корша они имеют нумерацию – XVIII, XLIX и LXXXVII соответственно. В архиве Корша, хранящемся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ, ф. № 465, карт. 4−16), переводы стихотворений датируются первой половиной 1880-х годов [Korsch 1880−1885] (архив был обработан К. И. Бутиной в 1960-х – 1970-х годах и Н. В. Зейфман в 1984−1985 годах; опись составлена В. С. Бердник в 1987 году [Бердник 1987]).

Далее приводим текст переводов Ф. Е. Корша (по сборнику «Στέφανος», привлекая также черновые рукописные чтения, обнаруженные нами в архиве Корша в ОР РГБ, находящиеся в вышеупомянутом сборнике «Ποιητικά», [Korsch 1880−1885] и [Коршъ t. a. q. 1886]), а также оригиналы (по [Пушкин 1981] и [Пушкинъ 1855]).

XVIII.

Ῥωσσικόν.

ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ ΠΟΥΣΚΙΝ.

Ἐλπίδος εἰ ψευσθέῃς, μήτ᾽ ἄχνυσο μήτ᾽ ἀγανάκτει.
Τλῆθι παθῶν· καὶ γὰρ γηθοσύνη ἕπεται.
Βοσκόμεθ᾽ ἐσσομένοις, τὰ δ᾽ ἐόντ᾽ ἀνιηρὰ πέφυκεν·
Πάντ᾽ ἀκαρέα· τὸ δ᾽ ἅπαξ οἴχεται, ἡδὺ πέλει.

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, настанетъ.

Сердце въ будущемъ живетъ;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.

Мы хорошо знаем, что Ф. Е. Корш был категорически против переводов «размером подлинника» – как с классических языков на русский, так и наоборот (считается, что единственным исключением из этого правила является перевод [Коршъ 1896]). В «Ἀποφθέγματα καὶ γνῶμαι», неопубликованном сборнике своих апофтегм, он пишет: «Для полного понимания и верной оценки художественного произведения из чуждой нам сферы необходимо освоиться с ним в такой мере, чтобы уметь те средства, которыми художник старался достичь своей цели, заменить своими соответствующими средствами» [Коршъ 1903]. В данном случае Корш следует своему правилу и избирает элегический дистих (против четырёхстопного ямба оригинала; таким образом, стихотворный перевод можно отнести к жанру эпиграммы); за счёт увеличения длины стиха строфика сокращается в два раза (двум стихам оригинала соответствует один стих перевода). Фёдор Евгеньевич был далеко не чужд анакреонтических мотивов; так, в сборнике «Στέφανος» наибольшее число переводов на латинский язык занимают именно стихотворения анакреонтической поэзии (самого Анакреонта – 3 перевода, анакреонтической поэзии – 5). Обращает на себя внимание перевод оригинального «жизнь» словом «ἐλπίς» («надежда»).

Необходимо отметить разночтения, возникающие в черновых вариантах текста. Так, в 1 стихе вместо μήτ᾽ ἄχνυσο μήτ᾽ ἀγανάκτει было μὴ λυπέο μηδ᾽ ἄσχαλλε; в 3 стихе вместо τὰ δ᾽ ἐόντ᾽ ἀνιηρὰ – τὰ δὲ νῦν ἀνιηρὰ; в 4 стихе вместо Πάντ᾽ ἀκαρέα («всё мимолётно») – чтения Πάντα δὲ ῥεῖ («всё течёт»: аллюзия на знаменитые слова Гераклита[9]) и Πάντ᾽ οἰχνεῖ («всё проходит»; лексический дублет к οἴχεται, передающий пушкинское «…всё пройдёт; // Что пройдёт…»). Вероятно, Корш хотел избежать излишней семантической нагруженности крылатого выражения («Всё течёт, всё изменяется» и т. п.) и неуместных аллюзий. Здесь хочется процитировать слова А. А. Грушки о черновых вариантах стихотворений Корша: «Особенной, я бы сказал – неподража-

[9] Согласно данным последних исследований, Гераклит Эфесский, по-видимому, не говорил этого.

емой виртуозностью отличаются стихотворения Ф. Е., частью оригинальные, в большинстве же случаев – переводные, на древнегреческом и латинском языках <…>. Эти стихотворения являются истинным венцом глубокого постижения античности, которое доступно в такой мере лишь исключительно одарённым филологам. При этом надо иметь в виду, что как латинская, так и греческая стихотворная речь давалась Ф. Е. с поразительной лёгкостью. Все эти античные по форме и языку стихотворения Ф. Е., в которых даже самый пристальный анализ не в состоянии раскрыть хотя бы единую черту, чуждую античной технике, отнюдь не были кропотливой мозаикой, набранной по кусочкам из греко-римских стихотворных текстов, но являлись продуктом органического творчества, основанного на изумительной способности Ф. Е. к перевоплощениям. К такому выводу, помимо непосредственного впечатления при восприятии этих удивительных стихов, приводит и более тщательное рассмотрение сохранившихся от некоторых „античных“ стихотворений Ф. Е. черновых набросков, которые заключают в себе иногда немало поправок, но все эти поправки имеют характер не филологических манипуляций учёного, в поте лица своего борющегося с чуждым ему языком, а свободных художественных варьянтов, обычных у всех оригинальных поэтов, стремящихся возможно лучше воплотить в слове свои творческие замыслы» [Грушка 1916, 26–27].

XLIX.
Ῥωσσικόν.
ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ ΠΟΥΣΚΙΝ.
ΕΙΣ ΤΗΝ ΌΜΗΡΟΥ ΊΛΙΑΔΑ ΤΗΝ ΎΠΟ ΝΙΚΟΛΑΟΥ ΓΝΕΔΙΤΣ ΜΕΤΑΠΕΦΡΑΣΜΕΝΗΝ.
Ληξάσης ἀίω θείης Ἑλληνίδος αὐδῆς,
Θαμβέω δ′, ὡς μεγάλου πρέσβεος ἐγγὺς ἐών.

На переводъ Иліады.
Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Как обычно, перевод Корша отличается близостью к оригиналу – хотя дословно пентаметр можно перевести как «Я изумлён/взволнован/смущён, словно нахожусь близко к великому старцу». Элегический дистих оригинала сохранён, так как в данном случае Пушкин использовал этот метр как средство стилизации под античную эпиграмму. Как видим, отсутствует образ тени. Перевод Корша получил отклик в виде латинского перевода данного пушкинского стихотворения Григорием Эдуардовичем Зенгером[10] (ректор Императорского Варшавского университета (1897–1899), министр народного просвещения (1902–1904), возможно, переводчик «Евгения Онегина» на латинский язык), который прямо ссылается в комментарии к этому переводу на Корша: «Греческий перевод см. у Ф. Е. Корша в Στέφανος» [Зенгеръ 1904, 79].

[10]Caelestisne sonat Graiorum lingua renata? // Certe ingens animum commouet umbra senis.

LXXXVII.
Ῥωσσικόν.
ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ ΠΟΥΣΚΙΝ.

Ἐσκεδασμένης θυέλλης ὦ πανύστατον νέφος,
Μοῦνον αἰγλέεντος ἐσσὶ φερόμενον δι᾽ οὐρανοῦ,
Μοῦνον ἐπὶ πέδῳ κατηφέα καππεταννύεις σκιήν,
Μοῦνον αἰσχύνεις ἀνίῃ μειδιῶσαν ἡμέρην.

Ἄρτι μὲν πέριξ ἅπασαν συγκαλύψαν αἰθέρα
Ἀμφιπλεκόμενον φαεινῇ δείν᾽ ἔλαμπες ἀστραπῇ,
Ἐν δὲ σοὶ βροντὴ βεβρύχειν, ὡς κεραυνοὺς εἰκάσαι,
Διψίῃ δὲ γῇ ποθεινὸν ὄμβρον ἐξίεις σέθεν.

Νῦν δ᾽ ἅλις, γένευ δ᾽ ἄφαντον· οὐ γάρ ἐστι καίριον,
Χθὼν δ᾽ ἀνέψυκται πιοῦσα, πὰρ δὲ χειμὼν ἔσσυται,
Μείλιχος δὲ φύλλα δένδρων ἄνεμος ἁβρὰ κινέων
Ἀτρεμήσαντος διώκει σ᾽ ὠθέων ἀπ᾽ οὐρανοῦ.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ
И алчную землю поила дождемъ.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась, и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

Четырёхстопный амфибрахий Пушкина передан не аналогичным малоупотребительным греческим аналогом, а каталектическим трохеическим тетраметром ($\mathtt{tr}^{qc}$). Это вполне отвечает тематике стихотворения: мотив бури на море (последнее, впрочем, как будто отсутствует у Пушкина) есть у Архилоха, излюбленным метром которого и был каталектический трохеический тетраметр (например, в fr. 105 West), что, возможно, и является обоснованием для выбора этого размера Коршем. Этот же мотив появляется у Алкея в одном из самых его знаменитых фрагментов – fr. 208a Voigt. Оба фрагмента цитируются Гераклитом-аллегористом подряд как иллюстрация приёма аллегории – в обоих случаях политического характера. Для грамматика очевидно, что текст нельзя понимать буквально – он пишет, что Архилох иносказательно говорит о войне с фракийцами, а Алкей намекает на политические интриги в Митилене (впрочем, с аллегорическим толкованием последнего некоторые исследователи не согласны; подробно в [Степанцов 2017, 24–27]). Примерно так же обычно понимается и «корабельная» ода Горация (Hor. c. I 14): античные комментаторы Горация – и Порфирион, и Псевдо-Акрон – пишут, что речь идёт об участниках гражданской

войны (о Марке Юнии Бруте или Сексте Помпее соответственно). В новое время мотив бури развивается, в результате чего в русской поэзии появляются стихотворения «Парус» Лермонтова (1832 года, опубл. в 1841 году) и «Туча» Пушкина (1835 года). При этом, как кажется, присущая античным образцам политическая аллегория ускользает от понимания новых поэтов-читателей. Здесь метафора корабля и непогоды трактуется романтически, обозначая душевные переживания лирического героя. В то же время существует точка зрения, что пушкинская «Туча» – это иносказание, говорящее либо об опасности закрытия «Литературной Газеты», либо о декабристах, с момента заговора которых прошло десять лет. На наш взгляд, единственным имеющим силу доказательством в пользу последнего можно считать словосочетание «таинственный гром». Нельзя не отметить, что это стихотворение у Пушкина очень «лермонтовское» – особенно хорошо это видно по несвойственному Пушкину амфибрахию (Лермонтов, как известно, трёхсложные размеры часто употреблял), а также по словам самого Лермонтова в «Герое нашего времени» (II 2): «На запад пятиглавый Бешту синеет, „как последняя туча рассеянной бури“». Всё это, на наш взгляд, позволяет утверждать, что в обоих стихотворениях образ бури интерпретируется романтически. Таким образом, через перевод Корша новейшая романтическая интерпретация античных по происхождению образов-аллегорий бури и корабля возвращается в древнегреческий язык, а, следовательно, и в родной античный контекст – но уже с другим значением. Вопрос Гераклита: «Кто бы не подумал тотчас, что данная картина моря [говорит] о страхе мореплавателей перед стихией? Однако это не так» [Гераклит 2018, 144], – получает у поэтов нового времени новый же ответ.

Что касается языковых особенностей перевода, то данное стихотворение представляет собой в этом отношении наибольший интерес по сравнению с предыдущими двумя. Первые два стиха переведены буквально. Ἐσκεδασμένης θυέλλης: ср. схожий в лексико-семантическом плане контекст в Hom. Il. XVII 649: αὐτίκα δ᾽ ἠέρα μὲν σκέδασεν καὶ ἀπῶσεν ὀμίχλην («Тотчас туман он [Зевс] рассеял и мрак отогнал непроглядный» (пер. В. В. Вересаева)). В 3 стихе ἐπὶ πέδῳ («по равнине») добавлено по сравнению с оригиналом. Подобное крайне часто встречается в переводах с новоевропейских языков на древнегреческий и латинский и нередко объясняется тем, что в среднем латинский или древнегреческий стих метрически длиннее, чем стихотворная строка на новоевропейском языке. Первое значение прилагательного «κατηφής» – «потупленный» (о взгляде), «смотрящий вниз», в переносном употреблении – «тёмный» (в этом значении очень часто у эллинистических поэтов; у Нонна до десяти контекстов). Глагол καταπετάννυμι («расстилать») у Гомера всегда в тмесисе; эолийская форма – диалектный неологизм Корша. В переводе Корша появляется метафора ткани, покрывала: «Одна ты расстилаешь по равнине унылую/мрачную тень», за счёт чего образность в переводе ярче, чем в оригинале. В 4 стихе использована форма «αἰσχύνεις», имеющая гораздо более сильное значение, чем «печалишь» (а именно: «уродуешь», «искажаешь», «по-

зоришь»). Впрочем, дальше данная тенденция сохраняется: «ἀνίη» (с ĭ; у Hom. и Soph., а также у эпиков всегда ī, у других поэтов варьирует metri causa) – скорее «горе», «скорбь», чем «печаль». Эпическое «μειδιῶσαν ἡμέρην» («улыбающийся день») великолепно передаёт оригинал, в то же время вплетая перевод в античную традицию. Начало второй строфы (первые два стиха) сильно отличается синтаксически от оригинала (дословно греческий текст можно передать примерно так: «Ты весь окутанный эфир недавно кругом, // Обвитая сияющей молнией, грозно освещала/блистала». Ср. схожий контекст с употреблением глагола «συγκαλύπτω» в Hom. Od. V 293−4: σὺν δὲ νεφέεσσι κάλυψε // γαῖαν ὁμοῦ καὶ πόντον («и тучами землю и море // Густо окутал» (пер. В. В. Вересаева)). Весьма необычно передан образ «таинственного грома»: для этого Корш использует эпическое «κεραυνός» («перун»). Глагол «ἐξίημι» традиционно передаёт значение «выпускать», причём часто в контекстах вида «бог (милостиво) ниспосылает дождь на землю». Обращают на себя внимание звуковые эффекты, хорошо соотносящиеся со звуком грома, которых нет в оригинале (**βρ**οντὴ **βεβρ**ύχειν <…> ὄμ**βρ**ον). В 10 стихе видим причастие «πιοῦσα» («выпив»), которого нет в оригинале; глагол «παρασεύω» крайне редкий (у Корша к тому же в тмесисе), встречается дважды – у Гесихия (где никак не объясняется) и Квинта Смирнского (II 214). Пушкинское «ласкаяя» передано сразу двумя лексемами: прилагательным «μείλιχος» («ласковый», этим. знач. «медовый») и наречием «ἁβρὰ» («нежно»). Действие, которое осуществляется ветром, также продублировано: эту роль выполняет глагол διώκει («гонит») и причастие ὠθέων («толкая»).

Отдельно следует сказать о передаче антропонимов. В рассматриваемых стихотворениях все имена и так греческого происхождения; сложнее дело обстоит с передачей фамилий: в них нередко встречаются фонемы, отсутствующие в древнегреческом языке, а потому требующие изменения. В рассматриваемых стихотворениях это «Пу**ш**кин», «Гнеди**ч**», а также сам «Кор**ш**» (на титульном листе и в оглавлении сборника). Обнаруживается, что по-древнегречески мы имеем: Πο**σ**κιν ὁ *indecl.*; Γνέδι**τς** ὁ *indecl.* (просодия установлена по минускульному написанию в сборнике «Ποιητικά» – в отличие от маюскульного в «Στέφανος»); Κόρ**σ**ιος ~ου ὁ; по-латыни же: Pu**sch**kin *m indecl.*; Kor**sch**, Kor**sch**ii *m.* «Ποιητικά» предоставляет ещё более богатый материал для анализа: так, мы видим, что для передачи русского глухого ретрофлексного спиранта [ʂ] (в таких фамилиях, как уже упомянутые «Пу**ш**кин» и «Кор**ш**», а также «**Ш**вар**ц**» (Александр Николаевич) и «Фи**ш**ер» (Софья Николаевна)) Корш использует не только обычную для древнегреческого языка **σ** – **Σ**ουάρ**τς** ὁ *indecl.* (ср. у Геродота: **Ξ**έρ**ξ**ης для передачи древнеперсидского *xšayāršā*, Ὑ**σ**τάσπης для передачи *vištāspa*), но и в некоторых случаях придерживается более свойственной латинскому языку немецкой традиции передачи данного звука через **σχ** (лат. **sch**) – Φί**σχ**ερ ἡ *indecl.* Для передачи глухой альвеоло-

палатальной аффрикаты [t͡ɕ] используется **τσ**, невозможное в античности, но появляющееся в народном языке византийского периода: Гнеди**ч** – Γνέδι**τς** (ср. звукоподр. **τσ**ακίζω в «Истории Александра Великого»).

Мы видим, что в большой своей части переводы Фёдора Евгеньевича Корша настолько точны, что почти буквальны. При этом переводчик ориентируется в первую очередь на античную традицию, а не на образность оригинала – которая всё-таки сохранена по возможности. Можно сказать, что своими переводами пушкинских стихотворений Корш получает возможность встроить себя в канон авторов новодревнегреческой литературы настолько, насколько сами оригинальные стихотворения русского поэта составляют канон русскоязычной литературы. И, конечно, стихотворения Корша – как переводы, так и оригинальные тексты – являются образцом перевода на древнегреческий из-за их языковой чистоты и следованию в античной традиции: где-то это гомеровский язык, где-то – эллинистический, где-то – что-то совсем редкое, – но всё это органично вписывается в традицию.

Хочется снова процитировать слова А. А. Грушки: «…Корша мы назовём великим, несравненным тайновидцем слова. Подобно Пушкину, которого он так любил и понимал, и с которым у него было не так мало общих черт, он представляет „явление чрезвычайное“, подобно ему, пользуясь словами того же Достоевского, он „унёс с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот теперь без него мы эту тайну разгадываем…“» [Грушка 1916, 60].

Список литературы

1. Бердник В. С. Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Отдел рукописей. Фонд № 465. Опись архива Коршей (материалы 1810-х – 1980-х гг.) – М., 1987. – IV + 365 с.
2. Гераклит. Гомеровские вопросы. Перевод, предисловие, примечания Е. А. Марантиди // VTRIQVE CAMENÆ. Исследования. Переводы. Материалы 1-й и 2-й межвузовских студенческих конференций по классической филологии – М., 2018. – Вып. LXX. – С. 127–207.
3. Грушка А. А. Ѳедоръ Евгеньевичъ Коршъ. – М., 1916. – 79 с.
4. Зенгеръ Г. Э. [Saenger G.]. Метрическія переложенія на латинскій языкъ. Interpretationem poeticam Latinam archetypis XXVII apposuit Gregorius Saenger. – СПб., 1904. – 82 с.
5. Коршъ Ѳ. Е. Мелочи. // Пушкинъ и его современники. – 1908. – Т. II, вып. VII (отд. отт.: СПб., 1908. – 9 с.).
6. Коршъ Ѳ. Е. Ода Горація II 14 (размѣромъ подлинника) // Искусство и Наука. – 1896. – Вып. 1. – С. 3–4.
7. Коршъ Ѳ. Е. Опыты окончанія «Русалки». // Пушкинъ и его современники. – 1905. – Т. I, вып. III. – С. 1–22.
8. Коршъ Ѳ. Е. Переводъ стихотворенія А. С. Пушкина «Если жизнь тебя обманетъ…» на древнегреческій языкъ. – t. a. q. 1886. – ОР РГБ. – Ф. № 465, карт. 8, ед. хр. 70. – 3 л.
9. Коршъ Ѳ. Е. Переводы на латинскій языкъ стихотвореній А. С. Пушкина «Поэтъ», «Поэту» и «Поэтъ и чернь». // Альбомъ Московской Пушкинской выставки 1880 года. – М., 1882. – Приложенія, с. 177–178.
10. Коршъ Ѳ. Е. Планъ изслѣдованія о стихосложеніи Пушкина и словаря пушкинскихъ риѳмъ. // Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. – 1905. – Т. I, вып. III (отд. отт.: СПб., 1905. – 24 с.).

11. Коршъ Ѳ. Е. Разборъ вопроса о подлинности окончанія «Русалки» А. С. Пушкина по записи Д. П. Зуева. // Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. – 1898. – Т. III, кн. 3. – С. 633–785; т. IV, кн. 1. – С. 1–100; кн. 2. – С. 476–588 (отд. отт.: СПб., 1898).
12. Коршъ Ѳ. Е. Списокъ стихотвореній и переводовъ, составленный при подготовкѣ имъ сборника «Στέφανος». – 1885. – ОР РГБ. – Ф. № 465, карт. 6, ед. хр. 3. – 2 л.
13. Коршъ Ѳ. Е. Ἀποφθέγματα καὶ γνῶμαι. – 1903. – ОР РГБ. – Ф. № 465, карт. 6, ед. хр. 26 – 27 л.
14. Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. – М., 1981.
15. [Пушкинъ А. С.] Сочиненія Пушкина съ приложеніемъ матеріаловъ для его биографіи, портрета, снимковъ съ его почерка и съ его рисунковъ, и проч. – В VI т. – СПб., 1855.
16. Степанцов С. А. Учебный комментарий к фрагменту Алкея 208a Voigt: Учебное пособие. – М., 2017. – 36 с.
17. Уланова А. В. Творческое наследие Фёдора Корша (по рукописям из фондов ОР РГБ, РГАЛИ, ОПИ ГИМ) // Материалы международной научно-практической конференции «Румянцевские чтения – 2017»: 500-летие издания первой славянской Библии Франциска Скорины: становление и развитие культуры книгопечатания – М., 2017. – Ч. 2. – С. 205–209.
18. Korsch T. Изъ Пушкина. Мечтателю (Анн. II 244). Стихотворный переводъ на латинскій языкъ. Alexandri Puschkin in quendam, qui opinionis errore amare se putabat. // Филологическое Обозрѣніе. – 1895. –Т. VIII, № 2. – Приложенія, с. 2–3.
19. Korsch T. Переводъ на латинскій языкъ стихотворенія А. А. Фета «Радъ я дождю… отъ него тучнѣетъ мягкое поле…» и переводы на древнегреческій языкъ стихотвореній Ф. Прешерна, И. Гёте, А. С. Пушкина. – 1880–1885. – ОР РГБ. – Ф. № 465, карт. 8, ед. хр. 89. – 2 л.
20. Korsch T. Carmina varia. I, II. – 1862; 1864. – ОР РГБ. – Ф. № 465, карт. 5, ед. хр. 20. – 32 л. (2 ч.).
21. Korsch T. Scripta mea poetica. – 1858–1860. – ОР РГБ. – Ф. № 465, карт. 5, ед. хр. 3. – 14 л.
22. Korsch T. Scripta poetica. –1860. – ОР РГБ. – Ф. № 465, карт. 5, ед. хр. 6. – 16 л.
23. Korsch T. Scripta poetica. – 1861–1865. – ОР РГБ. – Ф. № 465, карт. 5, ед. хр. 16. – 26 л.
24. Korsch T. Ποιητικά. – 1867–1890-е. – ОР РГБ. – Ф. № 465, карт. 5, ед. хр. 29. – 80 л.
25. Korsch T. Στέφανος. Carmina partim sua Graeca et Latina partim aliena in alterutram linguam ab se conversa elegit recensuit in ordinem redegit. – Hauniae, MDCCCLXXXVI. – 52 c.

Tycho G. Davydov
Moscow State University, Philological Faculty
Department of Classical Philology
e-mail: tychondavydov@gmail.com

***Abstract**: Translations of the new texts into Ancient Greek are a much rarer phenomenon than such translations into Latin. The paper deals with the linguistic, textual and semantic aspects of translations of three Pushkin's poems into Ancient Greek, carried out by the outstanding Russian philologist and poet Theodor (Fyodor) Korsch. His translation strategies are revealed in the paper through the direct evidence of the translator himself as well as through the analysis of the poems.*

***Keywords**: Theodor Korsch; Fyodor Korsch; Alexander Pushkin; Modern Ancient Greek literature; translations into Ancient Greek; Contemporary Ancient Greek language; language revitalization; reception of Antiquity.*